

Другая тропинка Михаила Логунцова

малая родина

Общение с такими людьми, как Михаил ЛОГУНЦОВ, невольно рождает чувство белой зависти — настолько они увлечены жизнью и счастливы в своем увлечении. У Михаила Алексеевича есть хобби (как он сам это называет) — история Белоострова. На эту тему он может говорить часами — углубляясь в подробности, перескакивая с детали на деталь, пересыпая речь именами и датами. Он с одинаковым интересом копается как в государственных архивах, так и в белоостровской земле, в обоих случаях добывая уникальную информацию о родном крае, которой с удовольствием делится с окружающими. С результатами его исследований читатели «Берегов» неоднократно знакомились на страницах нашей газеты.

К слову «патриотизм» Михаил Алексеевич относится осторожно — видимо, потому, что слишком затаскали этот термин люди, использующие его в своих личных интересах. Но если понимать патриотизм не как политический инструмент, а как любовь к своей земле, то Михаил Логунцов, конечно же, патриот.

— Михаил Алексеевич, вы же по своему

складу технарь, а тут такое сугубо гуманитарное увлечение...

— Если бы мне еще два с половиной года назад сказали, что я буду ходить по архивам и писать статьи, я бы сам не поверил, сказал бы, что это не про меня.

— Что вас подтолкнуло к этому занятию?

— Меня всегда интересовала история Белоострова, но никто ничего толком не мог мне о нем рассказать. И я пошел в библиотеку, чтобы найти литературу о родном поселке. Единственное, что там нашлось — это книга Балашова «Карельский перешеек». В этой книге я увидел фотографию огромного, сталинских времен, каменного белоостровского вокзала. С этой фотографией я пришел к сестрорецким краеведам, но они мне сказали, что здесь какая-то ошибка — в Белоострове не могло быть такого вокзала. И я тоже так подумал — ведь если бы в Белоострове был такой вокзал, тогда бы сохранился хотя бы фундамент. Но когда я поговорил с местными старичками (им нынче под восемьдесят), то они ответили, что вокзал был, что построили его в 34-м году, что просуществовал он всего 7 лет, поскольку в 41-м был полностью разрушен. С этого вокзала все и началось.

— Это занятие можно назвать вашим хобби...

— Да, это именно хобби.

— Но хобби — это когда занимаешься

На фотографии слева — памятник погибшим летчикам В. Балакану и Б. Темнову (6 ноября 2003 года).
Справа — все, что осталось от памятника (6 декабря 2003 года)

чем-то для собственного удовольствия. Вы же посредством СМИ делитесь извлеченной из архивов информацией с огромным числом людей...

— Когда человек узнает что-то новое, ему всегда хочется поделиться. Тем более что я рассказывал о том, о чем практически никто ничего не знал, несмотря на то, что вся история Белоострова лежит буквально под ногами у его жителей.

— Скажите, что, на ваш взгляд, дает людям эта новая, а точнее, хорошо забытая старая информация?

— На 41-м километре Выборгского шоссе еще совсем недавно стоял памятник нашим летчикам. Здесь во время войны упал штурмовик, и прямо у дороги поставили памятник. Для автомобилистов это была определенная отметка в пути — вот, мол, «самолетик» проехали. Все знали этот «самолетик». Я его сфотографировал в начале ноября 2003 года. А когда приехал через месяц, его уже не было — снесли для того, чтобы расширить дорогу. Когда я поговорил с дорожными строителями, которые сносили памятник, они сообщили, что снос был официально согласован со всеми службами и организациями, в том числе и с КГИОП. А в КГИОПе мне потихоньку рассказали, что они были против сноса, но пришло распоряжение.

— Несмотря на то что государственные мужи постоянно твердят о патриотизме и уважении к памяти павших, расширение дорожного полотна оказалось для них важнее памятника погибшим летчикам...

— Даже если памятник не поддается демонтажу, его нужно было воссоздать на новом месте. Но ломать — не строить. Проще оказалось памятник снести, а кости перезахоронить. В результате — всё, память стерли.

— Как вы понимаете слово «патриотизм»?

— Я не сторонник тех, кто вспоминает о патриотизме тогда, когда он приходится к случаю — например, при необходимости сказать речь или написать статью в газету к какому-нибудь очередному юбилею, а после этого тут

же все забыть. Я по такой тропинке не иду. Спокойно, медленно, но верно я вытаскиваю на свет божий очень интересную историю своей малой родины. Но Белоостров малой родиной не очень-то и назовешь, потому что его история — это, по большому счету, история России.

— Что может дать на практике ваше увлечение?

— Когда я первый раз шел в Публичную библиотеку, то думал, что стоит мне произнести слово «Белоостров», и мне сразу предложат огромный перечень документов и литературы. Однако выяснилось, что в Публичке просто-напросто нет литературы по Белоострову. Есть некие эпизодические вкрапления, но самостоятельного исследования не существует. Этим фактом были поражены сами работники библиотеки.

— Как домашние относятся к вашему увлечению?

— Когда в семье узнали, что я начал писать статьи, то решили, что у меня проблемы с головой. Но когда я написал одну, другую, третью... И читатели стали давать положительные оценки, мол, интересно, мы этого не знали, то ситуация потихоньку стала меняться. Сейчас даже родственники читают то, что я пишу.

— Думаю, когда белоостровцы узнают о поселке нечто, чего они раньше не знали, у них и отношение к своей малой родине меняется...

— Когда я рассказываю белоостровцам о неизвестных фактах из прошлого, они выглядят шокированными — они просто не ожидают, что в таком вроде бы самом обычном месте может быть столько интересного. Ну, к примеру, в истории Белоострова было семь вокзалов. Скажем, в Сестрорецке как был один вокзал, так он и остался, а у нас — семь! Многие ли об этом знают? После беседы большинство задает мне стандартный вопрос: где об этом можно получить информацию? Мой стандартный ответ — пока, к сожалению, только у меня.

Спрашивал Владислав ЮЖАКОВ

Фото Андрея ЗОЛЕНКО